

*Утверждено к печати Ученым советом
Европейского университета в Санкт-Петербурге*

Научные редакторы:
Ж. В. Кормина, А. А. Панченко, С. А. Штырков

Рецензенты:
канд. искусствоведения М. Л. Лурье,
канд. ист. наук Е. А. Мельникова

Изобретение религии: десекуляризация в постсоветском
ИЗ8 контексте / [науч. ред. Ж. В. Кормина, А. А. Панченко,
С. А. Штырков]. — СПб. : Издательство Европейского универси-
тета в Санкт-Петербурге, 2015. — 280 с. ; [8] с. цв. ил. — (Studia
Ethnologica; вып. 11).

ISBN 978-5-94380-192-1

Возвращение религии в социальную жизнь постсоветских го-
сударств нельзя сводить исключительно к процессу возрождения
традиционных и созданию новых духовных институций. Десекуля-
ризацию нужно рассматривать как пересмотр сложившихся границ
между социальными полями религиозного и секулярного за счет
разрушения автономного статуса религии в социальном пространстве.
Эти сложные процессы протекают в самых разных формах и сегментах
общественной жизни. Они инициируются не только религиозными
институциями, но и теми, кто заинтересован в использовании тради-
ционных образов социального воображения для решения новых задач.
С этой точки зрения можно говорить, что в ходе десекуляризации соз-
даются не только вновь возникшие духовные движения, но и старые,
респектабельные церкви — в той мере, в какой они являются частью
жизни современного общества и используются им. В сборник вошли
статьи, написанные на основе докладов конференции «Изобретение
религии: десекуляризация в постсоветском контексте», состоявшейся
10–12 мая 2012 г. в Европейском университете в Санкт-Петербурге.

УДК 211.5
ББК 86.2

*Издание осуществлено при поддержке гранта
Университета Южной Калифорнии и Фонда Темплтон*

В оформлении обложки использована фотография Юлии Антонян,
сделанная 21.03.2014 на празднике Рождения бога Вагна
у храма в с. Гарни (Армения).

© Авторы, 2015
© Европейский университет
в Санкт-Петербурге, 2015

ISBN 978-5-94380-192-1

Содержание

Кормина Жанна, Штырков Сергей «Это наше исконно русское, и никуда нам от этого не деться»: предыстория постсоветской десекуляризации	7
Русселе Кати Религия и современные технологии, или Противоречивое мировоззрение православных христиан	46
Дубовка Дарья Послушание как физический труд и как добродетель: семиотическое насыщение производства в современных монастырях РПЦ	63
Антонян Юлия Конструирование религии в армянском неоязычестве	82
Арзютов Дмитрий Слово письменное и печатное: социальная жизнь нарративов и конструирование алтайской «национальной религии»	104
Гаврилова Ксения «Марийская традиционная религия» в сельской общине марийцев: возвращение публичных молений и дискурсивные стратегии их освоения	132
Андреева Юлия «Творить рай на земле»: культ земли и природы в новом религиозном движении «Анастасия»	163
Панченко Александр А. «Дьявол не в санатории»: образы зла у постсоветских пятидесятников	186
Ваннер Катрин Новые религиозные движения и «альтернативная мораль» в Украине	214
Терёшина Дарья «Сострадательный капитализм» и его речевые жанры: (вос)производство «историй успеха» в сетевом маркетинге	232
Львов Александр Текстуальный рационализм и конфессионализация в общине закарпатских иудействующих	263
Сведения об авторах	278

- РПЦ 2011 — РПЦ просит учесть права россиян, выступающих против единой соцкарты // РИА Новости (<http://www.rian.ru/religion/20110309/344090963.html>; 12.01.2015).
- Соболева 1997 — Соболева Л. С. Американское сочинение об Антихристе-компьютере в интерпретации уральского старовера // Исследования по истории книжной и традиционной народной культуры Севера. Межвузовский сборник научных трудов. Сыктывкар, 1997. С. 118–130.
- Чаплин 2011 — Протоиерей Всеволод Чаплин: Церковь настаивает на альтернативе средствам электронного контроля, 10/03/2011 // Официальный сайт Московского Патриархата (<http://www.patriarchia.ru/db/text/1426119.html>; 12.01.2015).
- Agadjanian, Rousselet 2005 — Agadjanian A., Rousselet K. Globalization and Identity Discourse in Russian Orthodoxy // Roudometof V., Agadjanian A., Pankhurst J. (eds.) Eastern Orthodoxy in a Global Age: Tradition Faces the 21st Century. Walnut Creek, CA: AltaMira Press, 2005. P. 29–57.
- Bayart 2005 — Bayart J.-F. The Illusion of Cultural Identity / Transl. Steven Rendall, Janet Roitman, Cynthia Schoch, Jonathan Derrick. Chicago: University of Chicago Press, 2005.
- Casanova 1994 — Casanova J. Public religions in the Modern World. Chicago: University Of Chicago Press, 1994. P. 5–6.
- Identifier et surveiller 2006 — Identifier et surveiller. Les technologies de sécurité // Cultures et conflits, 2006. N 4.
- L'Eglise de Grèce 2010 — L'Eglise de Grèce demande que le chiffre 666 ne figure pas sur les "cartes de citoyenneté" en préparation (24.11.2010) // Religion orthodoxe en France et dans le monde (<http://www.religion-orthodoxe.eu/article-l-eglise-de-grece-demande-que-le-chiffre-666-ne-figure-pas-sur-les-cartes-de-citoyennete-en-preparation-61619473.html>; 07.01.2015).
- Oushakine 2009 — Oushakine S. A. The Patriotism of Despair: Nation, War, and Loss in Russia. Ithaca: Cornell University Press, 2009.
- Rousselet 2014 — Rousselet K. From Juvenile System Reform to a Conflict of Civilizations in Contemporary Russian Society // Les Etudes du CERI, n°204, June 2014.
- Sous contrôle 2006 — Sous contrôle. Gouverner par les fichiers // Mouvements, 2, 2010.
- Taguieff 2005 — Taguieff P. A. La foire aux illuminés. Ésotérisme, théorie du complot, extrémisme. Paris: Mille et Une Nuits, 2005.

Дубовка Дарья

Послушание как физический труд и как добродетель: семиотическое насыщение производства в современных монастырях РПЦ

Нынешние монастыри РПЦ — рай для конструктивиста. Они предоставляют редкую возможность наблюдать, как люди, вырванные из привычных семейных, дружеских, рабочих отношений, создают новую среду. Да, эти люди ориентируются на определенные идеалы, вычитанные в святоотеческой/житийной литературе. Да, им достались определенные заданные условия (прежде всего состояние и принадлежность монастырских зданий), и существуют они внутри вполне конкретного социоэкономического контекста. И все же целью монастыря является построение максимально отделенного от мира сообщества, рефлексующего над своей повседневностью посредством определения практик и представлений, приближающих человека к Богу. Эта цель завораживала не только немногочисленных религиозных виртуозов. Очарованием монашества как проекта иной жизни прониклись и светские философы и ученые. Например, Ханна Арендт, посвятив свой труд «Vita Activa» исследованию принципа сплочения людей, упоминает монашеские ордена в качестве «единственных сообществ, в которых любовь к ближнему была вообще испробована как принцип политического устройства» (Арендт 2000: 71). А более близкий антропологам Э. Дюркгейм описывает монахов как самую последовательную группу в воплощении идеи отделения мира сакрального от профанного (Durkheim 1995 (1912): 37). Оба автора не фокусируются на монашестве, но задействуют этот образ или проект как крайнюю точку, идеальный тип,

с помощью которого можно оттенить свои теоретические построения. Подобный прием хорош для развития научного воображения, но недостаточен, если сам монастырь становится объектом изучения.

Не останавливаясь на многочисленных историко-эмпирических трудах или на актуальном в советское время марксистском описании монашествующих как эксплуататоров крестьянства, я отмечу две теоретические рамки изучения монашества в социальных исследованиях. Первая — это исследование особенностей взаимодействия с миром и внутренней структуры всевозможных утопических сообществ. Б. Мур выделяет такие сообщества по следующим критериям: равенство внутри группы, коммунитаризм и стремление к аскетизму (Moore 1987: 787). В этом типологическом ряду католические монашеские ордена соседствуют с тибетскими буддистскими монашескими объединениями, квакерскими общинами и кибуцами. Данный подход представляется продуктивным, но при таком широком сравнительном диапазоне от внимания исследователя ускользает повседневность изучаемой группы, наблюдение которой является основным методом антропологии.

Другая стратегия фокусируется на генеалогии современной субъективности, рассматривая монастыри как определенный этап в трансформации технологии себя, а конкретнее: изменение в техниках, ориентированных на открытие и формулирование истины о себе (Фуко 2008: 73). Этот подход прекрасно служит для описания роли дисциплинарных практик в формировании субъекта и в управлении другими (Asad 1993: 125–167). Однако исключительное внимание сторонников этого направления к властным отношениям неизбежно кажется преувеличенным в условиях работы полевого антрополога, поскольку трудно всерьез описывать суровый, упорядоченный, пронизанный контролем монастырский мир, если грандиозный паноптикум превращается в пару окошек игуменского домика и зона видимости из них известна всей обители. Можно признать ценность этого теоретического языка для прослеживания генеалогии дисциплинарных техник и субъективности, но, полагаю, ни одно реальное сообщество не живет исключительно в атмосфере страха и надзора.

Что же касается видения М. Фуко в монашеском образе жизни прежде всего организованной исповеди, необходимости постоянного контроля над едва различимыми движениями мысли и еще более постоянной вербализации этих мыслей (Фуко 2008: 86, 88, 92), то современные монастыри, хотя и используют иные техники работы над собой, чем средневековые обители, но своим богатым интерпретативным потенциалом явно не уступают предшественникам. Собственно, рассмотрению ресурсов самотрансформации, доступных в нынешних обителях, во многом посвящена данная статья. Но кроме этого я хочу подчеркнуть, что способы преобразования себя тесно связаны со спецификой существования монастыря как группы людей. И этот второй пункт — специфическая монастырская

социальность — представляется даже более любопытным в свете множества вариантов работы над собой, предлагаемых современной культурой.

Исследовательская интуиция здесь близка к ожиданиям практически всех людей, приезжающих в монастырь. Ожиданиям соприкоснуться с социальным пространством, которое устроено по каким-то особым правилам. Декларативно монастырское сообщество противопоставляется любой мирской группе. Поэтому приезжающие рисуют в воображении либо «ангельскую социальность», некий град небесный, где «все друг друга любят, все поют хором» (из интервью с временным трудником 48 лет), либо объединение максимально автономных существ, чье общение преимущественно происходит с Богом, т. е. уединенную молитвенную пустынь или суровое пристанище аскетов. Паломники как раз и едут в обители, надеясь получить там подобный уникальный опыт погружения в другой мир.

Но это не единственная возможность для мирян прикоснуться к монашеской жизни. В чем-то альтернативой паломничеству, в чем-то его продолжением называется такое распространенное явление в современных монастырях, как временное трудничество. Временные трудники — это люди, находящиеся в монастыре от нескольких дней до нескольких месяцев. Данная группа, ищущая аутентичного монашеского опыта, стремится быстро и глубоко прочувствовать сакральное измерение своего пребывания в обители. Она является неотъемлемой частью социального пространства современных монастырей. Проживание трудников в обители невозможно без выполнения послушаний, т. е. ежедневных трудовых обязанностей. Обычно такие обязанности связаны с приготовлением пищи, уборкой помещений, несложными ремонтными работами, трудом на огороде. Для большинства приезжающих все они привычны и относятся к той сфере их жизни, которую нет обыкновения осмыслять как духовно значимую. В редких случаях послушания могут быть связаны с работой на пасеке, рубкой дров и т. п., с чем впервые человек сталкивается в обители. Но и в этом случае физический труд не так легко распознать как источник специфического духовного опыта. Молитвенную деятельность, безусловно, легче счесть духовным опытом, однако надежда трудников на посещение монашеского правила или долгих монастырских служб нередко не оправдывается, так как послушания могут занять все их время. Получается, что хотя у большинства приезжающих есть потребность в получении особого религиозного опыта, монастырь может гарантированно предложить лишь повседневные рутинные операции. Так трудник сталкивается с нетривиальной задачей: превратить свой труд, будь то чистка картошки, полив огорода или мойка окон, в источник духовного опыта.

В этой статье я опишу, как перевести физическую работу в духовное делание, и проанализирую, почему именно трудовые навыки

стали ресурсом для творчества пребывающих в монастыре и какова социально-экономическая подоплека послушаний.

Материал для данной статьи был собран в ходе включенного наблюдения в пяти женских монастырях (Вологодской, Тверской, Кировской, Ленинградской областей в Украине, Черкасская область) с 2010 по 2013 гг. Также осенью-зимой 2010 г. я взяла 19 фокусированных интервью у насельниц и временных трудников Воскресенского Горицкого монастыря, расположенного в Вологодской области. В этой обители начиналась моя карьера временного трудника и там же я приобрела необходимые труднические навыки. В дальнейшем в других монастырях меня распознавали как опытного трудника хотя бы по демонстрируемому мной отношению к послушаниям. Я регулярно приезжала в Горицкий монастырь на протяжении трех лет и имела возможность наблюдать, как переосмысляются те или иные трудовые конфликты, как меняется отношение ко мне по траектории от монастырского новичка до постоянного трудника, т. е. такого, на приезд которого рассчитывают. Важно также, что хозяйственная деятельность в Горицкой обители занимает практически все время насельниц и трудников, не оставляя возможности, а нередко и сил, для молитвы, не совмещенной с трудом. Поскольку в православной традиции существует представление об исключительной важности молитвы и о молитвенном призвании монастырей, то положение дел в Горицах у постоянных обитателей и у приезжающих людей вызывает диссонанс с ожидаемым образом обители и требует объяснения и легитимации.

В Воскресенском Горицком женском монастыре¹ число постоянных насельниц в 2010–2012 гг. варьировалось от 9 до 12 человек. К тому времени обитель имела большое хозяйство (гектар огорода, скотный двор, пасеку). Насельницы не справлялись с этим хозяйством своими силами, что вынуждало их принимать временных трудников. В период сельскохозяйственных работ послушания занимали 10–12 часов в сутки, но отказаться от «агрокомплекса» в пользу увеличения монастырских служб и освобождения времени на келейную молитву настоятельница не считала возможным. Хотя главный доход Горицам приносили приезжающие туристы,²

¹ Монастырь был основан в 1544 г. князем Андреем Ивановичем Старицким. К концу XIX века обитель достигла своего расцвета. Горицкий монастырь стал одним из крупнейших женских монастырей России, и число сестер в нем приближалось к семистам. В 1932 г. монастырь был закрыт. После войны в стенах бывшего монастыря располагался Дом инвалидов, который функционировал вплоть до 1973 г. В 1970–1990-х гг. в различных монастырских зданиях находились Дом культуры, тракторная мастерская, контора совхоза. С 1990 г. начинаются реставрационные работы, и в октябре 1999 г. монастырь получил официальный статус. В 2000 г. здесь был совершен первый постриг (Сайт Вологодской епархии 2011).

² Монастырь расположен у р. Шексны, которая является частью водного пути Москва–СПб. В сезон, с мая по сентябрь, на пристани с. Горицы останавливалось в день до трех теплоходов.

эта деятельность считалась вынужденной, слабо согласующейся с идеалом уединенной обители. При этом ведение своего хозяйства, соответствующее образу самообеспечиваемого монастыря, виделось традиционным и правильным.

Обилие временных трудников, в цветастых нарядах разгуливающих по монастырю и по незнанию, а периодически (если опираться на эмную модель объяснения таких неурядиц) и из-за происков врага рода человеческого, нарушающих монастырские правила, раздражало постоянных насельниц обители. Однако с присутствием временных трудников приходилось мириться, иначе управиться со своим большим хозяйством монашествующим было не под силу.

Временными трудниками чаще всего являются девушки до 30 лет, нередко начавшие посещать Горицы еще во время обучения в воскресной школе, или женщины старше 50. Обычно это прихожане церкви Вологды или Череповца, но есть и приезжающие из ближайшей сельской округи. Для многих началом их самостоятельного пути в Горицы явилась паломническая поездка от своего храма или благословение священника посетить обитель. Есть также люди, совершающие ежегодные турне по монастырям: Горицы становятся частью маршрута по дороге на Валаам. География путешествий подобных трудников, не планирующих второй раз посетить Горицы, широка: Украина, Смоленск, Москва, Мурманск. Насельницы в своих хозяйственных расчетах ориентируются на постоянно приезжающих трудников, особенно тех, кто живет недалеко и относительно свободен в плане работы или семьи, чтобы в случае срочной необходимости иметь возможность приехать и помочь обители в ее сельскохозяйственных проектах, будь то уборка яблок или посадка картофеля. Трудники, естественно, не получают денег за свою работу.³

Единственным нормативным документом, определяющим трудническую жизнь, являются «Правила поведения для паломников и гостей Воскресенского Горицкого монастыря». Эти правила задают общий распорядок дня и определяют минимум должного поведения. Исполнению трудовых послушаний там посвящена одна строчка: «данное вам послушание просим исполнять без рассуждений и споров и не предпринимать ничего самочинно». Разумеется, этого

³ Здесь нужно отметить, что монастырь порой одаривает приезжающих трудников, тем самым вводя элемент реципрокности в отношениях, в репрезентации которых подчеркивается безвозмездность добровольного труда. Самые популярные монастырские дары, съедобные гостинцы из обители, приобретают значимость в контексте «намоленности» места их произрастания и/или производства. Другие дары связаны с социальной миссией монастыря — это одежда и обувь. Их получатели — малообеспеченные трудники или те, кого насельницы обители почитают таковыми. Самый редкий, но для православного человека самый ценный дар — это молитва. Поминования на службе, особенно в монастырях, почитаются верующими как сильная духовная помощь. Только единицы из постоянных трудников — 5 человек, приезжающих в течение многих лет, — получили такой подарок.

недостаточно для уяснения трудового этикета, принятого в монастыре. Большинство практических навыков и актуальной информации передается от более опытных трудников («экспертов») новичкам, которые не знают многих вещей. Например: можно ли посвятить своим делам час после обеда до вечерней службы в субботу или следует вернуться на послушание; допустимо ли опаздывать в трапезную, если не успеваешь закончить послушания; входит ли проба даров огорода на вкус в послушание трудника, занятого в сельском хозяйстве и т. п. Сами «эксперты» в области трудовых отношений в свое время получили это знание от более опытных трудниц. Предлагаемые ими решения основываются на собственной практике и лучшем знании контекста монастырской повседневности.

Помимо уяснения подобных неформальных норм, труднику-новичку предстоит научиться правильному распознаванию ситуаций на предмет выявления в них скрытого духовного смысла, значимого для спасения своей души, т. е. грамотной интерпретации всего происходящего в монастыре. Схема, которую насельницы предлагают трудникам: «за послушание в монастыре снимаются ваши грехи» — слишком безлична. Трудники наполняют ее конкретным значением внутри своей биографии.

Не всякое послушание дает материал для его интерпретации. Пусковым механизмом обычно служит конфликт, явный или пережитый внутри. Разность взглядов, которую он открывает, вынуждает трудника к новому «прочтению» своего печального духовного состояния и к поиску скрытого значения, казалось бы, рутинных трудовых обязанностей.

Следующие три рассказа о том, как исполняются послушания, включают в себя наиболее характерные толкования событий монастырской повседневной жизни. Все они услышаны мной от регулярно приезжающих трудников.

Случай 1:

Меня здесь [дома] никто не смиряет. А там [в монастыре] матушка⁴ чего-нибудь как даст тебе. Чего-то года три-четыре [назад] я запротивилась в душе, а потом думаю: «Ну, молодец, значит, что-то заметила она». Матушка — кажется, что не руководит, а вполне ее руководства, вот для нас грешных, нашего уровня, этого вполне хватает. Потому что вот я, что-то помню, она мне как-то... Приехали кто-то из Череповца, певчие какие-то, хор, ну молодежь меня, тетки какие-то... И вдруг меня ищут, меня ищут, я была на другом послушании, чтоб я убрала у них келью, первая келья — так более того, там никто не жил, там жили кошки, очень много в келейном корпусе, и они вот в это первой, там они питались, молоко им носили, и там все в их поносе, все в их поносе, все, вся келья, и мне надо было это мыть.

⁴ Матушка — конвенциональное обращение к настоятельнице в женских монастырях.

И я подумала, что: «Где-то, наверное, что-то я головку подняла». Ну как вот едут люди, ну как вот, моложе меня, и вдруг она ищет, меня еще и искали «где Марина, где Марина,⁵ пусть она пойдет, помоем вот там». Даже так, искали именно меня, ну помыла я, и слава Богу (Временная трудница, около 65 л.).

Рассказ начинается с основной претензии многих трудников к насельницам, что никакого духовного руководства, каким бы его ни представляли, над ними не осуществляется, и всё их пребывание в монастыре сводится прежде всего к выполнению трудовых послушаний. Упрек в уподоблении обители колхозу нередко предьявляется Горицкому монастырю как чрезмерно увлекшемуся хозяйственной деятельностью в ущерб молитвенной. Многие трудники — и в интервью, и, думаю, для себя — должны были обосновать, чем работа в монастыре для них отличается от работы в колхозе. Последняя понимается как тяжелая многочасовая и не имеющая иной мотивации, кроме как собственное пропитание. Чаще всего объяснение сводится к незримому руководству, которое «на самом деле» осуществляет игуменья или которое непосредственно свершается по воле Божьей в обители как в «небесном Иерусалиме на земле». В этом свете любая работа в монастыре не случайна и определяется не хозяйственными нуждами монастыря, а состоянием души слушающегося: «именно в монастыре всё сразу наружу вылезает». Трудник начинает интерпретировать послушание как исправление себя. Следовательно, послушание рассматривается как средство, направленное на излечение от самого актуального греха в данный момент. Чаще всего таковым оказывается гордыня: во-первых, это достаточно «приличный» грех, в котором не стыдно признаться; во-вторых, невозможно отрицать его наличие в своей душе, чтобы тут же не быть уличенным в противоречии; наконец, послушание считается универсальным средством для воспитания смирения, антонима гордыни. Поэтому физически тяжелые и кажущиеся унижительными послушания, особенно те, которые вызывают протест героя рассказа (в этом случае он совпадает с его автором), считаются все-таки более ценными, несмотря на общую установку на равенство послушаний. Схема интерпретации своего послушания получается примерно следующей: Божий промысел, действующий в монастыре, — неприятное/трудное послушание, которое вызывает внутреннее сопротивление (читай: искушение) — проявление скрытого в душе греха — выполнение послушания, и если не искоренение греха, то хотя бы его выявление.

Случай 2:

А во время дождя, ой, было, знаешь, какое искушение! Значит, нас послали полоть, шел дождь непрерывный. Ну че? Вначале мы тут

⁵ Имена изменены. Возраст информантов приведен на момент взятия интервью — осень-зима 2010 г.

ретирировались и вышли под елочки, и ждем: да что такое, матушка А. (дававшая послушание) не приходит снимать послушание-то, а уйти-то нельзя. Ну что? Стоять под елками тоже не дело, боровок-то не полетится, послушание-то не выполняется. И пошли, вроде разогрелись, нагрелись и полем, и полем. Дождь закончился, надо идти на обед. Мы идем все мокрые, грязные, я дак тапки несла в руках. Потом матушка Е. (настоятельница) встречает, потом уж говорит: «Ты так и босая шла, и тапки грязные несла в руках, че не могли в дождь-то уйти домой-то». Мы говорим: «А послушание кто снял? Нам же надо выполнять». Да, проверяли нас на послушание (Временная трудница, 66 л.).

В данном рассказе особый интерес представляет указание на то, что постоянные насельницы, вообще говоря, склонны вполне рационально относиться к трудовым послушаниям. Они не задумываясь передают свои обязанности трудникам и склонны минимизировать усилия, особенно физические. Для временных трудников важен сам факт послушания, иногда буквального выполнения задания, без рассуждений, на чем делается особый акцент. Подобный подход к делу — нацеленность на сам процесс, а не на результат, — придающий трудовой деятельности облик аскетических практик, периодически сердит насельниц, которым важнее экономический итог выполнения послушаний. В приведенном примере настоятельница недовольна неподобающим для монастыря видом трудниц и их неразумным, с ее точки зрения, трудовым рвением. Эта же ситуация оценивается трудницей как проверка, испытание их со стороны монахинь, а значит, духовное руководство трудницами, пусть и незаметное на первый взгляд. В дальнейшем рассказе она подчеркивает, что никто после работы под дождем не заболел, хотя было «холодно-то, дождь насквозь промочил», но ведь «по послушанию» пошли. Неукоснительность выполнения послушания при любых обстоятельствах сама по себе обеспечивает безопасность труда, что особенно ярко проявляется в следующем рассказе.

Случай 3: Временный трудник, на протяжении многих лет регулярно приезжающий в обитель, отпрашивается у игуменьи съездить на лыжах к своему любимому Ворбозомскому острову. Благословение получено, но на следующее утро резко похолодало.⁶

Просыпаюсь утром — 35 градусов мороза. Я че позавтракал, на печку залез, печку затопил и лежу, книжку читаю. Обед — пошел пообедал, выхожу из трапезной, матушка навстречу идет: «А ты что — не уехал что ли?» Я говорю: «Матушка, мороз 35, какие лыжи, какая Ворбозомка, там 20 км в один конец».

М.: Ты благословение взял, чтоб ноги твоей тут не было, это самое, в 45 секунд.

Ф.: Матушка, да я ж погибну!

⁶ Цитата дана в сокращении.

М.: Да мое какое дело, ты благословение взял?

Ф.: Взял.

М.: Вот и все, давай дуй.

Я говорю, ничего себе, всё, конец света. Ну че, я весь монастырь оббегал: «Ребят, я замерзну, молитесь за меня, чтоб я не замерз». Одед на себя все, что было, и поехал. Мне было не холодно, я даже пожалел, что все одел, мне было жарко, я думаю, они там молятся так сильно, что уже чересчур. Приезжаю на Ворбозомку, а солнце уже село, и я быстренько снимал на морозе, еле-еле, и тут меня кусать стал мороз конкретно. Но, кстати, в тот раз я сделал самый красивый кадр на закате этой Ворбозомки, и они поместили его в буклет (Временный трудник, 48 л.).

Это наиболее «чистый» пример послушания как подчинения своей воли воле игуменьи, а через нее — Богу. Непосредственно с экономическими благами для монастыря данная поездка не была связана. Пример отражает ожидания трудников, что любая деятельность, происходящая в монастыре, является выполнением послушания. Неслучайно популярны сравнения монастыря с армией, подчеркивающие неукоснительность выполнения порученного и необходимость отказаться от своего собственного мнения. В данном рассказе упоминается благословение, что демонстрирует тесную связь этого слова со словом послушание. Благословение, с одной стороны, синонимично разрешению, а с другой — это приказ и одновременно гарантия безопасности для слушающегося. Однако трудник проявляет маловерие, обращая больше внимания на погодные условия, чем на благословение игуменьи. В пути его посетило искушение переехать на другой берег реки, где находится село, попроситься к кому-нибудь на чай и никуда не ехать, но он поборол этот соблазн. Трудник признается, что все оказалось не так страшно, как ему казалось, потому что «по послушанию пошел». А удачный кадр в данном случае является вполне осязаемым вознаграждением. В принципе, как демонстрирует этот рассказ, любое происшествие в монастыре, как экстраординарное, так и вполне обыденное, может быть рассмотрено в контексте духовной работы человека над собой.

Такие переосмысления конфликтных ситуаций, как описанные выше, обычно происходят ретроспективно, и не зря их обрамляют фразы: «это я уже потом, задним числом [понимаю], когда скорби начинаются», «уж потом понял [почему все прошло благополучно], что по послушанию пошли».

Возможность для подобных интерпретаций дает знание определенных текстов про послушание, которые входят в православный бэкграунд трудников. Особенно любимой в монастыре книгой является труд Аввы Дорофея «Душеполезные поучения». Авва Дорофей — христианский святой VI в., оставивший несколько сочинений по аскетике. Его «Душеполезные поучения» начинаются с рассказа об отроке Досифее, чей христианский подвиг состоял в полном

послушании своему наставнику. В дальнейшем в книге подчеркивается, что путь послушания краток и эффективен для спасения души. Эту книгу горницкая послушница предлагала мне как своего рода тест на пригодность человека к монастырской жизни. Если истории, описанные в «Душеполезных поучениях», вызывают теплый отклик в душе, значит готов человек к жизни в монастыре.

Подобные тексты, прочитанные самим трудником или услышанные в пересказе, предлагают следующую нарративную структуру: искушение — избавление от него посредством послушания/смирения, и общую рамку осмысления: получение спасения через послушание, неразумие наставляемого и частое невидение им истинных причин данного послушания. Сама же отсылка к этим текстам вызвана тем, что слово «послушание» (которое современные монастыри используют, видимо, чтобы подчеркнуть преемственность с дореволюционными обителями, где оно как раз и означало трудовые обязанности насельницы) имеет два значения. Во-первых, это образ жизни, постоянное подчинение своей воле воле другого человека, а через него — воле Божьей; во-вторых, это каждодневный круг обязанностей. Отсылая к определенной традиции духовного пути, тесно связанного с трудовыми операциями, послушание стало удобным ресурсом для интерпретации противоречивых ситуаций.

Другие возможные рамки осмысления трудовых конфликтов, например в условно-психологических формулировках (возраст, темперамент) или в экономических (эксплуатация), не работают как механизм примирения, а, наоборот, в своих крайних вариантах приводят к отъезду трудников из монастыря. В подобных случаях человек перестает расценивать свой труд как духовное благо, соответственно и монастырь (во всяком случае, данный) больше не рассматривается им как источник духовного опыта. Однако даже одна смысловая система позволяет весьма по-разному интерпретировать поведение.

Как-то я была свидетелем ссоры между Варей, послушницей-трапезаркой,⁷ и Лерой, постоянной трудницей монастыря. Конфликт произошел летом 2010 г. Поводом к нему послужила резкая критика со стороны трудницы предложенного блюда. Послушница обиделась и отругала трудницу. Трудница пошла жаловаться монахиням, но они встали на сторону послушницы, обосновав свою позицию тем, что нельзя в монастыре обсуждать еду. Через три месяца я снова посетила обитель и услышала от победившей послушницы другую версию их конфликта: эта ситуация была дана ей в испытание, надо было «понести» оскорбления, т. е. принять, смириться, не отвечать ничего обидчику, и тогда за это ей было бы воздаяние в Царстве Божием, но она стала искать справедливости здесь и в результате осталась без награды в будущей жизни. Дальнейший наш с ней диалог показывает,

⁷ Работающей на кухне.

почему в монастыре не поощряются разговоры с приезжающими трудниками:

Я: Как человек, тоже пребывавший за столом, остальным же трудникам было очень неприятно слышать, например, что вот от этого салата меня сейчас стошнит... т. е. в какой-то мере ты сделала на благо остальным.

В.: Нет, нет, вот здесь каждый думает о себе, о своем спасении — о других нужно думать в каком плане, не соблазнить на грех.

Я: Но по сути тогда Лера соблазняла, ты ее остановила.

В.: Нет, это уже в оправдание, если я буду так думать, я буду себя оправдывать в своем плохом поступке — я пошла и наорала, я не проявила смирения.

Я: Но ты же призвала ее к порядку, по уставу-то она должна.

В.: Ну, призвала я ее к порядку — это одно, я могла сделать по-другому, я могла выйти и сказать, что за столом нужно молчать. Но пойти орать, что, если вам не нравится еда, благословляйтесь у игуменьи на отдельный стол — что я им и высказала [со смехом] — ваши королевские величества (Послушница, 28 л., исследователь, 24).

Все эти слова релевантны для монастырской среды: «благо ближнего», «порядок по уставу», «смирение», «личное спасение», «соблазн». Из них можно выстроить непротиворечивую картину. Однако интерпретируя конкретную ситуацию, обе участницы диалога выстраивают разнонаправленные истории. У одной получается личная история спасения, у другой (т. е. меня) — забота о ближнем и выполнение устава. Такие истории всегда содержат противоречие, к которому может цепляться «искушающий» собеседник: смирение одного из участников конфликта с неизбежностью ведет к гордыне другого, к потаканию греху. Сначала на мое возражение Варя ответила отсылкой к другой норме: не смотреть на чужие грехи, после чего я указала на высший нормативный документ монастыря — устав (который, кстати сказать, для обеих участниц разговора существует только как воображаемый документ, ни одна, ни вторая его не читали). Исходя из той же логики, главенства устава, Варина позиция летом была поддержана монахинями. Поскольку отрицать эту норму ради утверждения личного спасения было бы чересчур смело, Варя смягчила свою позицию и призналась, что сделать замечания нужно было, но в другой форме.

Если здесь была попытка дать другую интерпретацию конфликта в противовес уже созданной информантом для себя, то следующий диалог демонстрирует, как можно нарративизировать рабочие конфликты повседневной жизни в новых терминах:

Я: А что тогда послушание в миру и монастыре и в чем разница?

С.: Ну, вот я даже не могу, что-то затрудняюсь, как сказать. Здесь-то кто мне послушание дает?

Я: Начальство.

С.: А начальство — тоже считать, что послушание?

Я: Ну в какой-то мере можно рассматривать их указания как послушания...

С.: Ммм... все, поняла я... что послушание должно быть и в миру, а вот я в связи с тем, что несмирная, дак вот, иногда его и не выполняю так, как нужно. То есть мне доктор недавно говорил,⁸ что вот, так вы и должны делать, а я-то вот не смирилась в последний раз, послушание-то не выполнила.

Это продолжение интервью с трудницей, рассказавшей историю про искушение во время дождя (случай № 2). Первая история не была вызвана моим вопросом, трудница объясняла мне, почему ей редко дают послушание на огороде, и после этого перескочила на памятный случай. Трудница привыкла объяснять монастырские ситуации в рамках модели «послушание-смирение», но это не предполагало для нее автоматического расширения такой объяснительной модели на мирские трудовые отношения. Потребовался специальный вопрос со стороны исследователя, чтобы вызвать рефлексию по этому поводу.

Я неоднократно пыталась создать более непротиворечивую картину смыслов и логики поведения, чем те, которые существуют у моих информантов. Мой список вопросов для интервью о послушаниях был четко структурирован, но мои информанты зачастую пренебрегали формальной логикой. Нередко после беседы они благодарили меня за возможность порассуждать на эти темы: выяснялось, что многих очевидных для меня вопросов они сами перед собой не ставили. По-видимому, стремление к упорядоченной гармоничной картинке является неизбежным в исследовательской практике, но, увлекшись собственным непротиворечивым языком описания, можно неверно отразить реальную ситуацию в поле.

В статье Ивана Забаева «Основные категории хозяйственной этики современного русского православия» (Забаев 2007) логику рассуждения определяет пресуппозиция, согласно которой смысл действия предшествует самому действию: религиозный актер задается вопросом «Как мне спастись?» (принципиальное благо), нормативные православные тексты предлагают искать волю Божью, ее специфическое понимание в православии дает толчок к формированию хозяйственной этики. Определяющими категориями для религиозного актера будут «послушание» и «смирение» (конкретные формы человеческого действия для достижения принципиального блага). Автор хочет выяснить «современную хозяйственную этику православия, актуализирующуюся в хозяйственной практике православных

⁸ Трудница на пенсии, преподаватель химии по образованию, но на тот момент работала санитаркой в больнице.

актеров» (Забаев 2007: 9), а для этого «выделить основные этические категории, с помощью которых православные актеры осуществляют коммуникацию по поводу хозяйственной практики и рефлексиируют собственные действия в тех или иных ситуациях» (Забаев 2007: 10). Но, очевидно, механизм послушания в современном православном монастыре работает принципиально иначе.

Во-первых, нельзя согласиться с предложенной Иваном Забаевым интерпретацией конкретных хозяйственных происшествий в монастырях⁹:

Я и еще один монах (о. Наум — 33 года) разбирали несколько комнат бывшего помещения клуба от всякого мусора. Пока мы этим занимались, я нашел ласты, оставшиеся от прошлых хозяев помещения. И говорю Науму: «Давай их выкинем» (нам надо было убирать комнату). Мне было ясно, что ласты в монастыре вряд ли кому-то пригодятся. На что Наум мне отвечает:

— Не надо это выкидывать. Эта вещь попала сюда по воле Божьей. И уйдет тоже. Мы не можем ее выкидывать.

— Ну и что? — говорю я. — Пусть тогда гниет здесь и тухнет?

— Она не гниет, — отвечает Наум. — Когда сгниет, тогда и выкинем, а пока пусть лежит (Забаев 2007: 13).

Далее автор рассуждает о том, что такое «воля Божья», ссылаясь на два религиозных сочинения — «Илиотропион» и «Промысл Божий». Несомненно, большинство моих информантов согласились бы с основными положениями, выделяемыми И. Забаевым по этим книгам: что распознавать волю Божью в конкретных ситуациях следует по Евангелию и 10 заповедям, что хорошо бы иметь наставника, что нужно смиряться и отсекают собственную волю, а если не знаешь, что делать, можно ждать знака, особого проявления Божьей воли, а до тех пор бездействовать. Но вот в конкретных трудовых ситуациях в большинстве своем категории «послушание», «благословение», «искушение», «воля Божья» функционируют далеко не как итог претворения в жизнь этих идеальных представлений религиозных актеров.

Впервые приезжающий в монастырь человек очень быстро усваивает, что слова «по послушанию» или «такова воля Божья» (в значении «так надо» или, наоборот, при отрицательной конструкции) обычно сигнализируют о конце разговора, а не о призыве к дальнейшей рефлексии на эту тему. Работают они в этой среде как фразы, после которых ничего легитимировать уже не нужно.¹⁰ Слово «благословение» используется в качестве синонима к слову «разрешение».

⁹ Этот материал из полевых дневников И. Забаева, собранный им во время включенного наблюдения в православных монастырях в качестве временного трудника.

¹⁰ Кстати И. Забаев справедливо упоминает (но потом опять возвращается к миру смыслов), что категорию «воля Божья» «используют скорее для отказа от действия» (Забаев 2007: 14).

Слова «послушание» и «благословение» широко употребимы в православном социолекте.¹¹ Помимо того что их прагматическое значение в конкретных ситуациях угадывается неопитом до его погружения в монастырский контекст и знакомства с соответствующими текстами, те же самые слова иной раз используются при общении с неверующими наемными рабочими, которые работают в монастыре. Так я была свидетельницей того, как одна монахиня добивалась объяснений от шофера: по какому праву он поставил машину у монашеского корпуса. Монахиня настоятельно вопрошала: «Кто благословил?!» Несмотря на то что один из участников разговора использовал специфическую терминологию, смысл сцены был прекрасно понят всеми участниками.

Во-вторых, трудно согласиться с неявным тезисом, что организованная на основе представлений о послушании/смирении хозяйственная жизнь монастыря нерациональна. Подобное восприятие И. Забаева угадывается и в приведенном выше примере неразумного, с его точки зрения, распоряжения ластами. Подозреваю, что в начале своего труднического восхождения я бы, оказавшись на его месте, выкинула эти ласты. Однако то, что мне казалось нелепицей во время моих первых приездов в монастырь, сейчас видится как проявление монастырского здравого смысла, связанного со спецификой организации труда в современных обителях.

Представление о необходимости послушания становится своего рода трудовым кодексом монастыря в его взаимодействии с временными трудниками. Ни уставом, ни каким-либо еще документом эти отношения не урегулированы. Введение в устав подобных пунктов означало бы, что монастыри наделяют трудников другим статусом. На данный момент последние достаточно маргинальны в правовой сфере. В плане условий жизни, распорядка дня, а часто и отношений к ним ряд временных трудников, особенно приезжающих постоянно, кажутся такими же своими в монастыре, как и насельницы. Но формальное признание их фактического статуса означало бы пересмотр со стороны монастыря как своих идеалов независимости от мира, так и самой дихотомии «монастырского/мирского».

Такие трудовые отношения выгодны обеим сторонам. Хотя экономические преференции, получаемые насельницами, и осознание ими собственной значимости для мира наиболее заметны, трудники извлекают для себя не меньше благ: это и особый коммуникативный репертуар, предлагаемый монастырем, который позволяет рассказать о своих мирских проблемах и получить духовный совет от насельниц

¹¹ Я ориентируюсь на предложенное Ж. Корминой понимание языка православных как примера социального диалекта, владение которым «расценивается его носителями и внешними наблюдателями как знак причастности социальной группе православных людей, обязательной для них культурной компетенции» (Кормина 2008: 253).

или таких же трудников, и в целом возможность целенаправленно поработать на свое Царствие Небесное.

Самые необходимые непрописанные правила для организации трудового процесса задаются краткими максимами вроде «нельзя менять свое послушание», но при этом за трудниками остается свобода в импровизации на тему значимости монастырских работ для них лично.

Права насельниц, обеспечивающие достижение максимального производственного результата, гарантированы следующими представлениями. В монастыре существует четкая иерархия, кому послушаться. Эта иерархия выстраивается от настоятельницы к конкретному человеку, обычно монашествующему, под начало которого поставлен трудник. На любую деятельность в монастыре трудник должен иметь благословение, иными словами, совершать ее по послушанию. Строгое следование этому правилу является необходимым условием для предоставления допуска к хозяйственным инструментам, а также в трапезную или в коровник, и средством контроля над работниками в условиях частой смены трудников и возможной ротации их послушаний. Представление о важности четкого и безоговорочного выполнения послушаний — удобный инструмент организации труда, поскольку нет необходимости приехавшему ненадолго труднику рассказывать всю технологию процесса: достаточно указать минимум операций, которые он должен выполнить. Организация монастыря с малым количеством насельниц подразумевает, что на послушаниях трудники будут одни, их физических сил и возможностей монастырское руководство заранее не знает, поэтому оно может задать лишь усредненную трудовую норму. Представления о ценности труда до изнеможения и о сомнительности отдыха, перерывов или просьб сменить послушание гарантируют, что трудник не отнесется к своему заданию безответственно.

Впрочем, те же идеи значимости послушания работают в интересах временных трудников. Послушание — это гарантия защищенности трудника в случае каких-либо претензий к условиям или качеству его труда со стороны монастырского начальства. «Я делал по послушанию» — фраза, которая снимает с трудника все подобные обвинения. В приведенном выше примере с дождем ответ трудницы, «послушание ж надо выполнять», был дан с полным сознанием своей правоты. Понятие «меры» также предоставляет ряд лазеек в трудовых отношениях. Пусть усталость сама по себе не является поводом для отдыха или смены послушания, но человек может попросить о том или другом, апеллируя к учению о лестничном возрастании на пути к духовным дарованиям,¹² лишний раз подчеркнув

¹² Имеется в виду сочинение Иоанна Лествичника «Лествица», где говорится о постепенном духовном возрастании как о лестнице на небо и о последовательном приобретении добродетелей.

свою собственную слабость и немощность. Трудник сам становится критерием, мерой своих трудов, определяя, «по силам» ли та или иная работа, и может не выполнить послушания, мотивировав отказ фразой «не понести». Признание в собственной немощи не стыдно, так как ведет к смирению через ощущение своих малых возможностей, но и не слишком поощряется, поскольку легко начать себя жалеть раньше времени.

Парадоксально, однако, что представления о послушаниях защищают и «право на отдых» трудника. Поскольку работы в монастыре всегда хватает, человек, выполнивший свои послушания, будет с охотой привлечен к работе другими насельниками. Аргумент «это не мое послушание» легитимирует отказ в помощи, хотя и входит в противоречие с заповедью любви к ближним (по отзывам насельниц). В этом плане тяжелее всех приходится трудникам, приезжающим постоянно, поскольку у них завязываются дружеские отношения с насельниками обители и, следовательно, им становится сложнее игнорировать просьбы последних о трудовой подмоге.

Наконец, представления о послушаниях предполагают, что духовный рост зависит только от самого человека. Прежде всего выполнение послушаний является быстрой верификацией духовного состояния трудника. Возможность переосмысления своих и чужих действий, наделения значимостью всего происходящего в монастыре и поиска сути вещей, выражающегося в словах «но на самом деле всё это было для моего исправления», делает послушание удобным ресурсом для истолкования монастырской повседневности. Такое творческое толкование ограничено лишь фантазией слушающих и их религиозной подкованностью.

Исходя из описанного выше, послушание можно понимать как рациональную деятельность, производимую в сумбурных монастырских условиях, где организация труда и менеджмент имеют свою специфику. Можно еще заметить, что стратегии рационализации для трудников, приехавших на неделю или на месяц, и для тех, кто регулярно в течение нескольких лет приезжает в монастырь, будут разными. Возможно, исследователь, проведенный в монастыре короткий срок без намерения вернуться туда, будет склонен считать свое поведение, свои взгляды критерием рациональности. Исходя из своего опыта, могу сказать, что те ситуации, которые в начале моей труднической биографии расценивались мной как совершенно нелогичные, со временем были мной переосмыслены. Ниже приведу отрывок из моего первого полевого дневника.

Как-то утром я увидела трудника Ф., везущего шланг на тачке, и спросила: «Куда?» Он ответил, что к палисаднику. Я сказала: «Давайте сначала к теплицам, я полью огурцы, а потом уже к цветам, потому что все равно мне поливать и то и другое, а теплицы нужно раньше». Ф. ни в какую: «Не благословили». Я попыталась объяснить, что так поступить рациональнее и удобнее. Ф.: «Приезжают

тут командовать, а тут монастырь, надо делать не как рациональнее, а как благословили».

Если тогда эта ситуация вызвала мое бурное негодование, то теперь я могу сказать: поведение трудника Ф. было не менее рациональным, чем мое. Я на тот момент учитывала только две переменные: необходимый фронт работ и требуемое для него оборудование, поэтому во время богослужений мой мозг решал задачку: как оптимально распределить лейки, шланги, объекты полива и рабочие руки. Мой собеседник, уже 8 лет приезжающий в обитель, был лучше знаком с монастырской повседневностью. Учитывая быструю сменяемость трудников и наше недостаточное знакомство, Ф. никак не мог быть уверен, что я потом сама доставлю шланг на место полива. Для него согласие со мной было чревато невыполнением своего собственного послушания и еще разбирательством с монахинями по поводу того, где он оставил рабочий инструмент. Помимо технической стороны, мой вопрос создавал дисбаланс в сложной иерархии статусов временных трудников и предполагал самостоятельную кооперацию при выполнении послушаний, что без легитимного лидера грозило конфликтами.

Наконец, возвращаясь к статье И. Забаева, хочется заметить, что поиск некоего общего православного хозяйственного этоса является неблагодарным занятием. Нынешние хозяйственные практики монастырей обусловлены тем, что множество обителей начинали восстанавливаться в условиях дефицита ресурсов. Исторический контекст подсказал назвать труд в монастыре «послушанием», чем подчеркивалась преемственность с дореволюционными обителями. Благодаря тому что это слово означает еще и добродетель, на него нанизались дополнительные представления о личном спасении. А современное бытование этого термина в монастырях определено их организацией и не совсем ясным статусом временных трудников. При всей их декларируемой насельниками чуждости, отделенности от обители трудники являются необходимой частью жизни современного монастыря, испытывающего дефицит в рабочей силе. Для выполнения большого объема работ нужны соответствующие трудовые ресурсы, а временные трудники представляются более предпочтительной группой, чем наемные рабочие, поскольку трудники разделяют монастырские ценности и не требуют оплаты своего труда.

Выделение особого православного хозяйственного этоса ведет к экзотизации социальных портретов монастырских насельниц и трудниц. Ни для кого из них монастырская повседневность не является первичной социализирующей системой, поэтому для всех обитателей остается актуальным вопрос: жить по-монастырски — это как? Переосмысление значимости послушаний свойственно как трудникам, так и постоянным насельницам монастыря. Правда, степень рефлексии насельниц о монастырской повседневности выше, и к своим послушаниям они склонны относиться как к трудовым

обязанностям. Однако отказ видеть в послушании высшую ценность иноческой жизни почти всегда приводит к отъезду из обители. Временным трудникам в этом плане проще. Они могут как свободно уехать из монастыря, так и вернуться к сезонным работам на Царствие Божие.

В корпусе святоотеческой и житийной литературы помимо «послушания» можно найти и другие модели поведения, например такие, как «аскеза» или «любовь к ближнему». Тексты, воспевающие послушание, становятся основными для современных женских монастырей, так как обеспечивают их функционирование. Но как работают эти тексты? Данный вопрос в исследовательских работах иногда подменяется прослеживанием истоков: от кратких фраз информантов — к текстам, где разворачиваются упомянутые сюжеты. По-видимому, здесь может таиться опасность приписать информантам такие же аналитические процедуры работы с текстом. Обладая профессиональным навыком вычленять сюжетную композицию, разбивать повседневность на категории, я не раз выступала в роли эксперта для трудников-новичков, переводя им бытовой конфликт на производстве в духовный опыт работы над собой. В какой-то момент я почувствовала, что разбираюсь в смысловой сетке координат современного монастыря лучше моих информантов. Чтение и интерпретация источника, как одна из центральных практик, свойственна университетским сообществам, но никак не нынешним женским монастырским обителям. В повседневной деятельности от книжного изобилия остаются только краткие утверждения: «послушание превыше молитвы» или «не благословили», которые должны вызывать правильное поведение. Это оказывается возможным, поскольку они представляют собой свернутый сюжет, требующий дальнейшего нарратива. Описанные выше нарративы самоанализа как раз и являются такой ретроспективной интерпретацией в рамках жанра. От привычных меморатов их отличает единственно возможная модальность проговаривания. Являясь также и преобразующей практикой, они не могут допустить сомневающегося или неверящего рассказчика. Ведь основа существования таких нарративов — сообщение сокрытой истины о субъекте.

На уровне группы подобные нарративы должны скреплять сообщество. Ведь если нормой считается постоянная погруженность в общение с Богом, то что остается разделить с ближним, как не грех? В итоге люди, замечающие друг друга в конфликтных ситуациях и склонные интерпретировать эти ситуации через собственное неудовлетворительное духовное состояние, не только преобразуют себя в нарративах, но и включают туда других как вольных или невольных создателей условий для подобного преобразования. Способом существования в социально аскетичном мире становится семиотическое насыщение любого взаимодействия.

Литература

- Арендт 2000 — *Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни* / пер. В. Бибихин. СПб.: Алетейя, 2000.
- Забаев 2007 — *Забаев И. Основные категории хозяйственной этики современного русского православия* // Социальная реальность, 2007. № 9. С. 5–26.
- Кормина 2008 — *Кормина Ж. «Святая энергетика намоленного места»: о языке православных паломников* // Natalesgratenumeras?: Сборник статей к 60-летию Георгия Ахилловича Левинтона. СПб.: Издательство Европейского университета, 2008. С. 252–265.
- Сайт Вологодской епархии 2011 — *Сайт Вологодской епархии* (<http://vologda-eparhia.ru/monk/gor/>; 29.01.2011).
- Фуко 2008 — *Фуко М. О начале герменевтики себя* // Логос, 2008. № 2. С. 65–95.
- Asad 1993 — *Asad T. Genealogies of Religion: Discipline and Reasons of Power in Christianity and Islam*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1993.
- Durkheim 1995 (1912) — *Durkheim E. The Elementary Forms of Religious Life* / Transl. by Karen E. Fields. NY: The Free Press, 1995.
- Moore 1987 — *Moore B. Austerity and Unintended Riches* // Comparative Studies in Society and History, 1987. Vol. 29, N 4. P. 787–810.